

2018
февраль
№2 (224)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

Ицхак Мошкович

ДИССИДЕНТЫ И ОТКАЗНИКИ

Есть один аспект отказного движения, которое я считаю более чем существенным: это движение, вольно или невольно, смыкалось с движением диссидентов того времени.

— Кем прикажете вас считать, отказником или диссидентом? — спросил меня во время допроса начальник следственного отдела Харьковского облуправления КГБ.

Что моя семья в эти годы «сидела в отказе», как тогда говорили, то есть находилась в состоянии невесомости, так это, можно сказать, документальный факт, а носить еще и гордое звание «диссидент» — это все равно как если бы мне к одному ордену присоединили еще и второй.

Жаль, что в кутерьме быстро сменяющихся событий диссидентство и отказничество растворяются в тумане прошлого и повсеместно воспринимаются современниками, как исторически малосущественные события шестидесятых-восьмидесятых. Мы уехали, и слава Богу, а диссиденты? Все обошлось и без них. Так говорят, и это не только не соответствует исторической правде, но, я бы сказал, нечестно по отношению к людям, совершившим подвиг высокого нравственного звучания. Да и наша борьба за вызов, даже мы не всегда имели это в виду, была не только борьбой за личную свободу.

— Товарищ полковник, вы мне льстите, — сказал я первое, что пришло в голову.

Это были уже не те гебисты, что когда-то. Все еще время от времени сажали, да и то по очень ограниченной разрядке из Москвы, а чтобы потащить в расстрельный подвал, так кишка у них была уж больно тонка, и это видно было невооруженным глазом. И не нужно было большого мужества, чтобы во время допросов не терять достоинство и откровенно демонстрировать явное моральное превосходство.

Меня допрашивали по «делу» известного диссидента Генриха Алтуняна, не забывая о том, что я был из тех, кто осмелился своим прошением о выезде на ПМЖ в Израиль выразить свое пренебрежение к ним, к советской власти и к тому, что нынешнее поколение этих людей достигнет планки коммунизма. Сегодня, по прошествии четверти века, нисколько не преувеличу, если скажу, что, несмотря на толстые стены, решетки и угрожающий вид, гебисты уже тогда, в конце семидесятых, подсознательно ощущали приближение шквала перемен и, продолжая делать свое грязное дело, испытывали неуверенность в том, что слова одного из вождей «верным путем идете, товарищи» соответствует исторической правде.

— Вот вы уедете, Исаак Моисеевич, а мы тут коммунизм построим... — сказал мне другой полковник не слишком твердым тоном, и жаль, что мы с ним больше в этой жизни не встретимся, чтобы вспомнить прошлое и поговорить о настоящем.

— Скажите честно, у вас в дни октябрьских праздников никаких мероприятий не намечается? — спросил у меня один второстепенный капитан, догнав на лестнице, и я растерялся от его растерянного вида. За этими толстыми стенами и стальными решетками? С таким же успехом он мог бы сказать: «Ну, пожалуйста, не устраивайте мне мероприятий в дни праздников, а то мне попадет».

Недавно побывал в этих местах и прошелся по городу, порвавшему с социализмом, не взошедшему на вершину коммунизма, а что касается капитализма, так он у них в еще диком состоянии.

— Когда построите, позовите посмотреть, — предложил я полковнику, но он как-то не очень настаивал. Диссиденты и политзаключенные тех лет помнят и недобрым словом поминают этого полковника. Имени не называю, но многие догадаются, о ком я пишу: это был, можно сказать, знаменитый полковник.

Ко мне был приставлен старший лейтенант, которого я называл просто Толей и он, между прочим, с большим уважением относился ко мне и к моей жене. Дело в том, что у всех нас, после коллективной голодовки, которую мы провели в квартире отказника Тарнопольского, отключили телефоны, и вызвать меня для очередного допроса они могли только через посылного Анатолия О. Он всякий раз извинялся и объяснял, что — вы же понимаете — это же не я, меня же послали, а я же к вам со всем уважением...

— Толя, — сказал я ему однажды, — хороший ты парень, и я бы не хотел, чтобы ты стал капитаном.

— Ну, почему, Исаак Моисеевич? Это же моя служба, карьера...

— Не нравится мне твоя карьера, — сказал я ему, но он не обиделся.

Миша Мошкович, Генрих Алтунян, Ицхак Мошкович. Харьков 2004 г.

Во время суда над Алтуняном меня в зал не пустили, а Толе поручили постоянно находиться при мне. Зачем? Опасались, что я организую вооруженную атаку на здание суда с театральным освобождением друга? Мы с ним курили в туалете, и я объяснял ему, что там, в зале, судят хорошего человека, и если так пойдет и дальше, то с кем же они коммунизм-то построят, а он в ответ говорил стандартное, что мы же ничего поделать не можем, а, значит, зачем об этом говорить?

— Девятого мая мы, отказники, посещали Дробницкий яр, место массового расстрела евреев в 1941 году. Какую угрозу себе или советскому режиму видели гебисты в посещении могил? Не тот ли это случай, когда, обжегшись на молоке, дуют на воду? А когда один, уголовного вида, капитан сказал мне: «Увижу вас там, голову оторву!» — то он же прекрасно понимал, что не оторвет даже пуговицы от моих штанов.

Сажали. Мой друг, Генрих Алтунян «со товарищи», среди которых Аркадий Левин, Владимир Недобора и многие другие, были «виновны» в том, что в своих коллективных письмах к полутрупам на вершине глиняно-голой власти требовали соблюдения тех самых прав граждан, которые были означены в подписанных советами в международных документах. Только и всего. Время от времени, но так, чтобы не надоесть и не перебить, показать, что они еще могут, но так, чтобы шум за рубежом удерживался на минимуме децибелл, время от времени сажали. То диссидента, то отказника. Из наших тогда посадили Александра Парицкого, позд-

нее, Юрия Тарнопольского. В восьмидесятом Алтуняна осудили на семь плюс пять.

Все эти «процессы» юридически, фактологически и нравственно были грязными и глупыми спектаклями. Врядли гебисты уже сами отдавали себе отчет в том, перед кем, собственно, эти дешевые зрелища? Трагические спектакли 37-го, те, действительно, били и попадали в поставленную вождем цель, а эти абсолютно никакой цели не достигали. Они были во вред им самим и подрывали и без того шаткое положение их власти а, заодно, экономики, так как их лишали права на режим наибольшего благоприятствования, и от этого они терпели сплошные убытки.

Абсурдность ситуации состояла в том, что в либеральных требованиях диссидентов от истории с крымскими татарами до знаменитых статей Сахарова не было ничего кошунственного с точки зрения идеологических рамок режима, а что касается евреев, то либо совсем не нужно было открывать для нас калитку, либо, открыв, уже не закрывать. Однако это было не только время «застоя», но период великой растерянности власти, которая не знала, как ей быть, что делать и на что решиться. Пробовали так, потом матерились и отменяли, снова матерились и возвращались к началу.

Однажды меня арестовали. Схватили прямо на улице. Повезли зачем-то в поликлинику. Я отказался выйти из машины. Привели врача прямо в машину. Я сказал, что жалоб на здоровье не имею. Поехали в вытрезвитель. Пришел нарколог (здоровенный такой докторище). Я дыхнул ему в лицо. Он обматерил милицию, и меня повезли дальше. Затолкали в КПЗ к двоим, из которых один объяснил мне, что он «труболет», а другого всю ночь трясла «белка». А в это время замнач облуправления МВД в своем кабинете объяснял моей жене, что еврей-отказники — это не так уж и страшно, потому что главная дырка в его голове — украинские националисты. Жена сочувственно кивала (покойница была добрым человеком и вошла в положение несчастного полковника, который разрывался между диссидентами, отказниками и этими чертовыми самостийныками), а он клятвенно пообещал, что завтра меня выпустят. Утром ко мне пришел другой полковник-эмвэdist, мы часа полтора трепались «за жизнь», после чего я пошел домой без шнурков и ремешка (потеряли), а старшина из КПЗ дал мне монетку на автобус.

Нет, все это было не так безобидно, как я описываю сейчас, сидя у окна с видом на Иудею. Парицкого, Тарнопольского и многих других таки промурыжили в лагерях, не говоря уже о диссидентах, которым навешивали срока и посерьезнее, а иным эти игры стоили жизни, и я вовсе не хочу сказать, что власть была неспособна на зверства по отношению к своим гражданам, но абсурдность ситуации и бесцельность всего что делалось и происходило были настолько очевидны, что «органы» уже явно страдали неизлечимой анемией. Они наносили удары, в основном наугад, чтобы продемонстрировать миру и самим себе, что у них длинные руки и что им все еще ничего не стоит посадить. Старшина милиции в должности «дознавателя» сказал мне: «Если ко мне приводят человека, чтобы посадить, то — будь спок — он будет сидеть. Для него, как и для всей системы, это было вопросом чести, но не только чести.

Окончание на с. 2

ДАЙДАЖЖЕСТ.Е

ШАГ В ИСТОРИЮ

ДИССИДЕНТЫ И ОТКАЗНИКИ

Окончание. Начало на с. 1

Факт, что они все еще МОГУТ давал надежду на то, что диссиденты и отказники растворятся, как крупинка соли в их большой чашке сладкого чая (или водки), ничего не изменив в их жизненном пространстве.

Одно можно сегодня утверждать с уверенностью: диссидентское и отказное движения, оба, сильнейшим образом подорвали силу «Империи зла». То есть, конечно же, решающую роль в этом обвале сыграли экономические векторы и проигрыш в затеянном на свою голову соревновании, но мы будем очень неправы, если не примем во внимание нравственный фактор. Международное сообщество давно уже признало священным право человека жить на своей земле. В частности, в Харькове, где все это происходило, Алтунян, Недобора, Пономарев, Левин и другие, выступали в защиту прав крымских татар, народов Северного Кавказа — всех, преступно лишенных этого права, согнанных со своей земли. Другим правом любого человека является право покинуть место своего проживания, и за это право боролись мы.

Увижу вас 9 мая в районе Дробницкого яра — голову оторву! — в этой фразе я услышал не угрозу, а отчаяние. Это все равно как если бы он стал на колени и умолял не делать этого, не идти. Или хотя бы продемонстрировать страх перед ним. (Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад...)

Подобное сказали не только мне, но другим отказникам тоже. Однако все, что они могли, это предупредить и пригрозить. Остановить они были уже не в силах. И как же здорово было видеть, как 92 отказника (я их пересчитал), в том числе, старики и дети, каждый с красной гвоздичкой в руке, шли вдоль посадки к этому страшному месту. Впереди шли Тарнопольский и, кажется, Парицкий с венком, на который я повесил две

ленты, на русском и на иврите: «Жертвам Холокоста» — Лэкорбанот а-Шоа.

Возле скромной стеллы с более чем скромной, в смысле: без упоминания, что в глубине этого холма надо рвом — останки евреев, мы из гвоздик выложили: 6 000 000. Гена Грубман прочел Кадыш. Потом читали стихи и произнесли подобоющие месту речи.

Среди нас была пара провокаторов. У них ничего не вышло.

Слов нет, нам было не просто. И временами страшно, потому что мало, но сажали, не всех, но допрашивали в своих застенках, не у всех, но производили обыски... И под окнами шевелила антенной «Волга». И начальник ОВИРа напускал на себя грозный вид. И докторам наук приходилось работать истопниками и лифтерами. И неопределенность ожидания давила. И некоторые валились с инфарктом.

Но собирались на еженедельные семинары. И читали лекции по еврейской тематике. И учили иврит. И все это вопреки запретам и угрозам типа «у нас на вас уже есть вот такая папка» или «голову оторву».

Ни диссиденты, ни отказники не представляли собой стройных колонн единомышленников и единоверцев, ровно подстриженных под единый ежик политических и нравственных принципов. Меня до сих пор смешит несколько раз повторенная при мне фраза одного отказника: я сионист-коммунист. Алтунян, если не ошибаюсь, от социалистических иллюзий освободился только в лагере. Это нормально. Так и должно быть там, где нравственные не единомыслие, а свобода совести и идеалов.

Не говоря уже о том, что среди нас были и провокаторы, и стукачи-доносчики. Парадосск в том, что КГБ играло в эту игру уже больше по инерции, чем всерьез. Провокации и доносы не давали никаких выходов. Машина работала на 90 процентов вхолостую. 10 (я думаю, что на самом деле — гораздо меньше) процентов составляли те, кого удавалось выставить на спектаклях-

«процессах» в качестве актеров-свидетелей. Или притащить на телевидение.

Уже будучи в Израиле, я увидел по советскому ТВ выступление одного чудесного, очень талантливого парня. Опустив глаза, он осуждал сионизм. А до этого активно боролся за выезд. Ну, что поделаешь? Не держал и упал на ринге. Позднее я встретил его в Израиле. Все равно он — в числе победителей.

То же было и среди диссидентов. Иные срывались, и они достойны жалости. Многие преувеличивали мощь державы, несокрушимость армии и всепроницаемость КГБ. Один майор уже перед нашим отъездом напомнил: не забывайте, что руки у нас длинные, так что вы там, на той стороне, не того... Нет, я его никуда не послал. Не удостоил.

Ясно, что наши противники были в те годы гораздо слабее, чем нам тогда казалось. Они наносили последние, уже не наступательные, а только оборонительные удары. Но ударяли. И временами больно. И даже если не лагерем, а «только лишь» десятилетним отказом, то это ли не значило вырвать человека на время отсидки и отказа из жизни, и это ли не было ударом? А многие из нас вышли из схватки больными, инвалидами. Были и такие, которых не мешало бы помянуть особо: не дожили до выхода из туннеля на свет.

Невероятно важно, чтобы эта борьба и эти бои не были забыты. Оставим в стороне реальные результаты ударов, которые мы нанесли по красному дракону и не станем обсуждать то, что подсчитать невозможно: размеры ущерба, который советская власть понесла от диссидентов и отказников. Важно то, что наши цели и наша совместная борьба за права человека были и должны служить другим тем нравственным образом, в котором и современный нам мир тоже очень нуждается.

Прислано в редакцию автором 2005 году

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Сначала она сдала фашистам свою лучшую подружку-еврейку, но раскаявшись, спасла 18 еврейских детей, спрятав их в монастыре. Так её бросало от предательства к подвигу. «Если я чему и научилась за свою долгую жизнь, то одному: любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть, а война показывает нас такими, какие мы есть».

Американская писательница Кристин Ханна пишет в основном мелодрамы, сентиментальные, кое-где даже наивные романы. Но иногда именно в такой бесхитростной форме и удаётся сказать вещи очень важные, болезненные и честные. Так случилось и с романом «Соловей», рассуждающим о том, как любовь к семье в невыносимых условиях войны и оккупации может помочь человеку совершить самопожертвование. Любя собственного ребёнка, иногда мать или отец не могут оставить в беде чужих детей, а иногда, наоборот, идут на малодушные поступки из соображений «своя рубашка ближе к телу». Роман начинается словами: «Если я чему и научилась за свою долгую жизнь, то именно этому: любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть, а война показывает нас такими, какие мы есть». Их произносит самый неоднозначный персонаж «Соловья» — женщина, которую на протяжении нескольких лет бросало от предательства к подвигу.

Семья Россиньоль (с французского буквально — «соловей») разрушена Первой мировой войной. Отец, прежде жизнерадостный романтичный поэт, пришёл с фронта морально и физически раздавленным, стал пить, мать вовсе не пережила военных лишений, так что две дочери оказались брошенными, предоставленными сами себе. И выросших, их терзает обида — на отца, оставившего девочек на нянек и пансионаты, да и друг на друга. Младшая, Изабель, сердится на старшую, Вианну, что та поспешила устроить собственную жизнь и не пожелала стать ей второй матерью. Вианну же раздражает легкомыслие и эгоцентризм младшей сестры, сменившей десяток школ-интернатов из-за неподобающего поведения. Например, из-за того, что она пыталась

сбежать оттуда к отцу и сестре. Чтобы обратить отчуждённых, ожесточившихся родственников лицом друг к другу, да и к самим себе, понадобилась ещё одна мировая война — Вторая.

Конечно, в оккупированной фашистами Франции героям приходится думать, прежде всего, о выживании и моральном выборе, и только потом — о семейных связях. Но, оказывается, эти вещи немислимы друг без друга. Легче всего приходится Изабель.

Или, может быть, тяжелее всего. Ей 19 лет, она не обременена детьми, ответственна только за себя и потому легко вступает в движение. Позиция сестры, безропотно терпящей у себя

и так все знают, кто здесь еврей, и про Рашель знают, и про остальных, да и сами немцы наверняка в курсе. Вианна колеблется, но всё же составляет этот список. И действительно, городским евреям она вреда этим не нанесла — больше, чем есть, им навредить уже невозможно. А самой себе? Предав подругу, Вианна предаёт и себя.

«— Они уволили евреев отовсюду. Ты разве не знаешь? Мсье Пенуар больше не почтмейстер, и судью Бреза заменили. Мне из Парижа сообщили, что директриса коллежа Севинье вынужденно подала в отставку, как и все еврей-певцы в Опере. Может, немцам нужна была твоя помощь, а может, и нет. Но они наверняка выяснили бы все, что хотели, и без тебя... Однако дело вовсе не в этом.

— А в чем же?

— Думаю, когда идет война, мы должны смотреть на многое гораздо глубже. Вопрос не в них, но в нас».

Однако чувство материнства, семейной ответственности, которое заставило Вианну совершить ошибку, помогает ей и спастись — пусть не физически, но морально. Она понимает, что предать своего ребёнка — допустить, чтобы он жил в мире, где со злом не борются, а добру места нет. «Как и прежде, ей было страшно за Софи, но сейчас ее гораздо больше пугала возможность того, что дочери придется жить в мире, где люди не в силах остановить зло, где славная добрая женщина может оставить в беде свою лучшую подругу». И спасая сына подруги, выдавая его за собственного племянника под неверчивым взглядом постояльца-немца, Вианна заодно спасает и себя, и свою дочь. А вслед за маленьким Ари де Шампленом Вианна укрывает и прячет в монастыре ещё 18 еврейских детей.

Окончание на с. 3

в доме расквартированного немца, да ещё и принимающей его подачки, ей непонятна.

Вианна же — мать и жена. От её поведения зависит не только выживание её дочери, но и положение мужа Антуана. Тот находится в лагере военнопленных, и немец-постоялец может обеспечить связь с ним, письма и посылки. Сделать для этого надо самую малость — составить список всех живущих в городке евреев, в том числе, не забыть свою лучшую подругу, Рашель де Шамплен. Что же такого? В городе

ШАГ В ИСТОРИЮ

ИУДЕЯ КАПИТАНА ФЛИНТА

Сразу после японской атаки на Перл-Харбор 18-летний Митчелл Флинт, уроженец Канзас-Сити, отправился служить на флот, став вслед за отцом боевым лётчиком военно-морских сил США. Он прошёл Вторую мировую на Тихом океане, точнее — над: бомбил японцев, вёл воздушные бои и сопровождал с воздуха грузовые конвои. К весне 1948 года за плечами молодого капитана был четырёхлетний боевой опыт лётчика-истребителя и первая инженерная степень Калифорнийского университета в Беркли.

Флинт как раз собирался получать вторую степень в Беркли, правда, уже на юридическом факультете, когда незадолго до начала занятий к нему подошёл незнакомый молодой человек и спросил:

— Ты ведь еврей? И боевой лётчик? Хочешь стать защитником еврейского государства?

Флинт согласился моментально. Вот только американские власти ввели запрет на помощь воюющим сторонам в бывшей британской Палестине. И для офицера запаса ВМС США нарушение этого запрета могло иметь очень серьёзные последствия. А ещё была мама, которая была категорически против намерений сына отправиться на «чужую войну».

— Ты уже выполнил свой долг перед родиной, — убеждала она Митчелла, напоминая ему про годы войны и о погибших товарищах. — А этот Израиль вообще не твоя страна.

Флинт, однако, считал иначе. Он понимал, что его боевой опыт и навыки могут здорово пригодиться новорождённому Израилю, отбивающемуся от армий сразу нескольких враждебных государств. И главное — Флинт хотел помочь. «Мой отец на протяжении всей своей жизни был абсолютно законопослушным человеком, — вспоминал впоследствии Майкл, сын Митчелла Флинта. — Но в тот раз у него просто не осталось выбора».

Флинт обманул чиновника из Сан-Франциско, выдававшего ему паспорт, заявив, что собирается в Лондон на Олимпиаду, проводимую впервые с окончания войны. Он действительно добрался до Лондона, но пробыл там ровно столько, сколько потребовалось, чтобы разыскать дальних родственников и оставить им открытки, которые они каждые три недели отсылали в Америку: мама должна была оставаться в уверенности, что с сыном всё в полном порядке, и он просто путешествует по Европе.

Он и вправду отправился дальше в Голландию, а затем — в Швейцарию, и исколесив Центральную Европу, оказался, наконец, в чешском Жатеце. Там, в 75 километрах к северо-западу от Праги, по приглашению с местными властями уже была развернута одна из первых баз израильских ВВС. Отставной капитан Флинт прошёл краткий курс управления самолётами Avia S-199 — аналогами «Мессершмиттов», собранных на чешском заводе по немецким чертежам и закупленных Израилем, и через два месяца после отъезда из США в последний раз взмыл над чехословацкой базой и взял курс на Израиль.

Война за независимость была в самом разгаре, и прибывавшие лётчики без промедления отправлялись на фронт. Все происходило так стремительно, что на бортах самолётов порой даже не успевали перекрасить свастику на магентавиды. Митчелл Флинт был зачислен в «Эскадру 101» — первую израильскую эскадрилью истребителей. С языком проблем не было — личный состав почти целиком был укомплектован бывшими пилотами британских ВВС и другими ветеранами Второй мировой из США и Канады, подобно Флинту прибывшими отстоять многовековую мечту еврейского народа о своем государстве. Английский они знали куда

бомбой было опасно — от удара при соприкосновении шасси с землёй бомба могла высвободиться и взорвать всю авиабазу. Флинт сделал круг над морем, пытаясь снова вытолкнуть бомбу, но безрезультатно. Тогда он решился на рискованный манёвр — посадил самолет на просёлочной дороге на окраине авиабазы, и бомба мягко соскользнула в руки как раз подоспевшему технику. Трагедии удалось избежать, но никогда прежде Флинт так не рисковал.

Как одному из наиболее опытных лётчиков, Флинту в ходе войны довелось выполнять множество самых разнообразных миссий: защищал небо страны, бомбил вражеские позиции, доставлял грузы в

дители МАХАЛ — организации иностранных добровольцев, а в мае 1949-го принял участие в первом военном параде на День независимости. Он поднял в воздух последний из дюжины истребителей, годных к полету после войны, и пронёсся над страной так низко, что казалось, летит прямо по улицам городов.

Спустя год после своего отъезда «на Олимпиаду в Лондон» капитан Флинт вернулся домой. Он принял еще участие в Корейской войне, закончил, наконец, юридический факультет в Беркли, женился и стал счастливым отцом двоих сыновей. Но так никому из своих сослуживцев не рассказал, что успел набраться боевого опыта на Ближнем Востоке.

Шли годы, старший сын Майк, став преуспевающим голливудским кинопродюсером и директором знаменитой кинокомпании Paramount Pictures, решил сделать подарок своему отцу, часто сетовавшему, что лондонскую Олимпиаду он так и не увидел. И в 2012 году Митчелл Флинт вместе с сыном отправились в Лондон. А потом захотел навестить Израиль. На Святой земле капитана Флинта ждал необыкновенно трогательный сюрприз: в подарок на 90-летие командующий ВВС Израиля генерал-майор Амир Эшель торжественно вручил ветерану майорское звание — то самое, которое капитан не решился принять почти 70 лет назад.

Чуть позже по книге воспоминаний «Ангелы в небе», повествующей о группе пилотов-добровольцев, приехавших из разных стран, чтобы защитить Израиль, написанной Митчеллом Флинтом,

осаждённые районы, занимался разведывательной съёмкой и обучал молодых пилотов. В общей сложности капитан Флинт освоил управление двенадцатью моделями самолётов, собранных для нужд израильских ВВС буквально с миру по нитке. И совершил более полусотни боевых вылетов, за что получил значок «крылышек на красном фоне», которыми могли похвастаться лишь немногие

из его сослуживцев. А вот от звания майора отказался — офицеру американской армии не стоило оставлять упоминаний о

своей службе в израильских ВВС.

Для большей части лётчиков война закончилась поздней осенью 1948 года. Пилоты-иностранцы быстро разъехались по домам. Флинт же задержался в Израиле ещё на несколько месяцев, стал соучре-

его сын Майк решил снять фильм. Он очень хотел успеть закончить картину ещё при жизни отца — но не успел. На 95-м году жизни, 16 сентября 2017 года капитан американского ВМФ и майор израильских ВВС Митчелл Флинт скончался в своём доме в

Лос-Анджелесе. «Отец никогда не искал славы, — вспоминает Майк Флинт, — но всегда гордился тем, что сделал для Израиля». Фильм «Ангелы в небе» должен выйти на экраны в ближайшее время.

Александр Непомнящий

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Окончание. Начало на с. 3

Нравственный выбор совершает в романе и ещё одна мать — еврейка Рашель де Шамплен. Впрочем, ей долго колебаться не приходится: спасутся её дети или погибнут — сделают они это без стыда.

— Эти желтые звезды, — начала Рашель, показывая уродливые лоскуты с черными отметинами, — мы теперь всегда должны носить их на одежде.

— Но... зачем? — нахмурилась Сара.

— Мы евреи, — объяснила Рашель. — И гордимся этим. Ты должна помнить, что мы гордимся этим, даже если люди...хотят заставить нас чувствовать себя... неловко.

Такие авторы, как Кристин Ханна или играющие в более серьёзной лиге американка Энн Тайлер, итальянка Елена Ферранте, пишущие порусски Дина Рубина и Людмила Улицкая — все они по-новому ставят вопрос о «женской» прозе. Женщина в их книгах не пассивна, не ждёт, когда мужчина изменит её судьбу, да и вообще живёт не только семьёй и любовью, хотя они для неё очень

важны. В современной гендерной теории есть две ведущих позиции. Одна говорит, что мужчины и женщины ничем не отличаются друг от друга метафизически и интеллектуально, а существующие различия в мужском и женском мировоззрении сформированы социумом. Вторая говорит о том, что изначальные отличия всё же существуют, но это не значит, что женский мир «хуже», он просто другой, и нечестно было бы умалчивать о своеобразии этого мира. И с позиции этого мировоззрения, не «мужского» и не «общечеловеческого», а своего, женщина проявляет себя и на войне, и в социальном движении, и в искусстве и науке.

Евгения Риц

ИЗРАИЛЬ

БОЕВОЙ КАШРУТ, САЛАТ В КАПСУЛАХ И МОРОЖЕНОЕ: КАК КОРМЯТ СОЛДАТ В ИЗРАИЛЬСКОЙ АРМИИ

Секреты армейской кухни раскрыл полковник Эран Лапид, начальник производственного отдела ЦАХАЛа.

— Питание в израильской армии не имеет аналогов в мире, — начал беседу полковник Эран Лапид. — Наше первое отличие — кашрут. Мы обеспечиваем солдат кошерной едой в любых условиях — и на армейских базах, и в бою. Главная сложность в том, что существуют разные виды кашрута. Ультрарелигиозные солдаты соблюдают более строгий, а светские — обычный.

— В армиях невоюющих стран, наверное, легче обеспечить солдат едой?

— Кухня ЦАХАЛа делится на два направления: меню для армейских столовых и питание в боевых условиях. Для нас важно и в бою, и на спецзаданиях дать солдату возможность есть горячую пищу. Для этого мы снабжаем ребят блюдами, разработанными с помощью передовых технологий: достаточно налить в упаковку воду, и горячая еда готова.

При разработке меню для разных родов войск учитываются и физические затраты солдата, и особенности службы. Например, в ЦАХАЛе есть такая должность: дежурный на наблюдательном пункте (тацпитан)...

— Мы знаем, что к этой службе часто привлекают девушек. Они следят за участками приграничной территории, предупреждают проникновение террористов и диверсантов, ведут наблюдение за безопасностью работы спецназа...

— У наблюдателей особенные условия службы: многочасовые смены, во время которых нельзя отлучаться, ночные смены, в которые тоже хочется есть. Поэтому специально для них мы разработали особое меню, а также закупили новую машину, позволяющую готовить еду... из капсул. «Джини» действует как кофейная машина: вы выбираете капсулу, скажем, с салатом, в ней находится сухой порошок. Машина за считанные минуты превращает его в свежую пищу. Это уникальный патент, позволяющий обеспечить солдат свежими и качественными блюдами без отрыва от службы.

— А что подают на обед в армейских столовых? Какое меню у солдат?

— Обязательно суп. Несколько видов салатов. Этим израильская армия тоже отличается: мало где еще можно увидеть такое разнообразие салатов. Поскольку в Израиле и на гражданке люди едят много овощей, то и в армии это непре-

Обед на базе ЦАХАЛа. Фото: пресс-служба армии

менная часть обеда. На горячее — мясное или рыбное блюдо, гарнир на выбор: картофель, рис, макароны, злаковые. На десерт чаще всего — фрукты, зимой иногда десерт «крембо», который наши ребята любят с детства, а летом — холодное фруктовое мороженое, сорбе. Сейчас мы озабочены снижением общего количества сахара в меню, поэтому стараемся с выпечкой и сладостями не перебарщивать.

— Многие годы считалось, что именно в армии молодежь набирает лишний вес из-за нездорового питания. Как вы справляетесь с этой проблемой?

— Это было актуально еще двадцать лет назад, но сегодня ситуация изменилась. Мы полностью прекратили использовать маргарин, существенно снизили количество жира и сахара. У солдат есть выбор: можно взять на завтрак обычные хлопья, а можно — с повышенным содержанием клетчатки, что считается более здоровым. Раньше в армии употребляли много мясных полуфабрикатов, сейчас мы покупаем в основном свежее мясо. Еще одна новинка: стало больше рыбных блюд, солдаты с удовольствием берут их.

Еще должен сказать, что мы предоставляем поварам на армейских базах возможность самостоятельно распоряжаться бюджетом на продукты. Они могут заказывать больше тех продуктов, которые любят в данном подразделении и которые лучше соответствуют условиям службы.

— А как армия обеспечивает вегетарианцев, больных целиакией или аллергией на пищевые продукты?

— Мы обязаны предоставлять питание, соответствующее потребностям солдат, в том числе, диетическое меню разных видов. Особенно мы следим за этим в тех местах службы, где у солдат нет возможности получить другую пищу.

Каждый солдат в ЦАХАЛе получает именно ту еду, которая ему подходит: больные целиакией — хлеб без глютена, веганы — растительную пищу, например, боевой паек с растительным заменителем тунца. В отношении веганской пищи в армии произошла настоящая революция.

Раньше солдаты, не употребляющие продуктов животного происхождения, получали деньги на приобретение продуктов и должны были привозить еду из дома. Но сегодня это уже не так: мы покупаем соевые десерты, заменители молочной и мясной продукции и прилагаем все силы, чтобы разнообразить меню, насколько это возможно.

— В армии служат парни и девушки из разных еврейских общин, в каждой есть свои любимые блюда. Учитывается ли это при составлении меню?

— Наши повара проходят профессиональную подготовку и умеют готовить блюда самых различных кухонь, но каждый добавляет что-то свое, из маминого репертуара. Я знаю, что «русские» повара любят самовыражаться в десертах, «марокканцы» добавляют острого. Но в целом у каждого подразделения свои вкусы, поэтому повара в армейских столовых стараются подстраиваться под них.

Вообще армия старается кормить солдат вкусно. Мы регулярно проводим опросы и выясняем, что ребята и девушки любят, а что — нет.

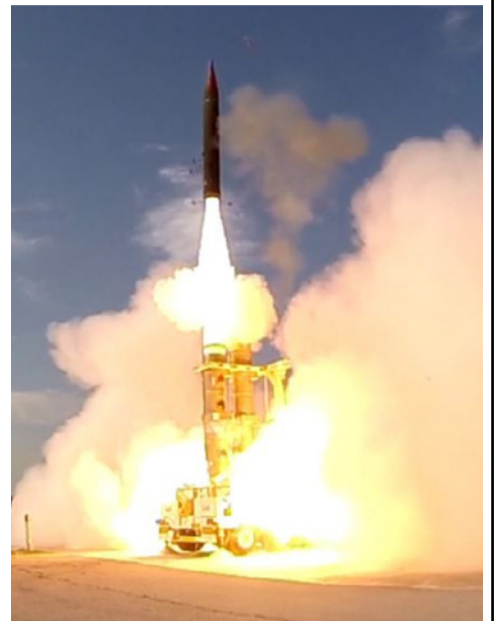
— Недавно в прессу просочилась информация, что армия закупила у местных фермеров морковь, которую нельзя было поставлять в Россию из-за санкций. Правда ли это? И что вы собираетесь готовить из всей этой моркови?

— Верно, мы закупили 25% той моркови, которая должна была отправиться на экспорт в Россию, и распределили ее по военным базам. Из моркови можно приготовить много вкусных и полезных блюд, даже десертов, поэтому мы решили помочь нашим фермерам, а заодно и разнообразить меню солдат.

— Скажите, полковник Лапид, а вы лично едите в армейской столовой? И если да, то что любите?

— Конечно, ем. Я очень люблю тхину, поэтому меня радует, что в последние годы мы покупаем тхину из цельного кунжута, она и вкуснее, и здоровее, и придает замечательный вкус блюдам.

США И ИЗРАИЛЬ УСПЕШНО ИСПЫТАЛИ НОВУЮ СИСТЕМУ ПРО

Система «Эрроу 3» сможет сбивать баллистические ракеты

Агентство по противоракетной обороне США и Израильская ракетная оборонная организация успешно завершили испытание системы вооружения «Эрроу 3» (Arrow 3), предназначенной для защиты от баллистических ракет. Об этом сообщило министерство обороны США.

Стрельбы проводились на испытательном полигоне в центральном Израиле под руководством Israel Aerospace Industries — известной фирмой израильского ВПК.

Агентство по противоракетной обороне США также принимало участие в испытаниях, как один из разработчиков системы.

Система Arrow 3 является важной частью многоуровневой защиты Израиля, в которую входят «Железный купол», «Праша Давида», «Arrow 2» и «Arrow 3».

ХАРЬКОВСКИЙ МУЗЕЙ ХОЛОКОСТА

благодарит за финансовую поддержку

Леонида Шевченко,
Харьков

22 ФЕВРАЛЯ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ФЕЛИКС АРКАДЬЕВИЧ ЧЕМЕРОВСКИЙ

Феликсу Чемеровскому было 67 лет. Почётный гражданин Харькова. Заслуженный деятель искусств. Народный артист Украины.

Родился в 1950 году в Киеве, в 1972 году закончил Харьковский государственный институт культуры, где впоследствии преподавал.

Был автором сценариев и главным режиссёром городских праздников, включая День города (1995-2013), День Независимости (2000-2011), День Победы (1999-2014) и День защиты детей (1996-2013), а также различных концертов, фестивалей и церемоний.

Основатель и руководитель Харьковского камерного еврейского театра «Унзер винкл», Феликс Чемеровский стоял у истоков возрождения еврейской культуры.

Активный, интересный человек, который оставил в нашей памяти яркие, добрые и светлые праздники.

Да будет благословенна память о нём!

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор Лариса Воловик
Верстка Сергея Рожкова

Наш адрес: 61024, Украина,

Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»

Отпечатано в ТОВ «ПЕТ»

Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 23.02.2018 г.

Заказ №

Подписной индекс 21785